

ской традиции не обеспечивает университетской культурологии серьезных перспектив развития. Все дело в том, что задачи образования требуют, как справедливо делает вывод А.Я. Флиер, прежде всего, яркой интерпретации и уплотнения устоявшегося знания, а не введения в учебный процесс дискуссионного нового. Кроме того, уровень учебно-методической и организационной загруженности преподавателей оставляет им очень мало времени и сил на научную работу. Вместе с тем я убежден, что университетская культурология сегодня чрезвычайно важна как сфера сохранения научного знания о культуре, но, к сожалению, пока что не является естественным пространством его продуктивного развития. Между тем ситуация, складывающаяся в гуманитарном знании, требует активизации именно фундаментальных исследований проблем культуры, обеспечивающих адекватное понимание

системообразующей роли культуры в социальной жизни общества.

В заключение следует, наверное, согласиться с мнением российских ученых-культурологов – участников недавно прошедших в Санкт-Петербурге VII Собрания научно-образовательного культурологического общества РФ и IV Российского культурологического конгресса, в числе которых был и автор статьи, в том, что пока еще, к счастью, нет оснований говорить об институциональном кризисе культурологической науки. Однако реально имеет место серьезное усложнение условий ее существования и функционирования, что требует определенной активизации и корректировки в организации научно-исследовательской работы, в том числе и со стороны преподавателей культурологии высшей школы.

УДК 008:613

ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ, ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*В.Л. Кургузов, д-р культурологии
ВСГУТУ, Улан-Удэ*

В статье анализируются теоретико-методологические проблемы смысла актуальнейших для нашего времени научных категорий: философии здоровья, гуманитарной культуры и важнейшего канала их трансляции – системы образования.

Ключевые слова: человек, природа, культура, общество, здоровье, образование, устойчивое развитие.

Если человечество все же станет на путь интенсивного, последовательного устойчивого развития ноосферной ориентации, то, по моему глубокому убеждению, произойдет это не по воле ученых, призывающих к построению гармоничного мира, а будет продиктовано жесткой необходимостью, которую фатально осознают все. Именно ощущение дыхания надвигающейся духовной и экологической катастрофы заставит сделать первые шаги в направлении ноосферного будущего. Грядущая эпоха риска

и необходимости самосохранения человечества явится реактором глубинных, эволюционных преобразований, пронизывающих все сферы жизнедеятельности общества.

Вместе с тем, последовательное и безопасное развитие представляется все же, как управляемый, научно обоснованный организационный процесс, который имеет свою траекторию целевых состояний, ведущую к новому ноосферному состоянию цивилизации, позволяющему в полной мере раскрыться сущностным интересам человека.

Уже сегодня, реально оценивая ситуацию современного мира, который оказался перед лицом глобальных проблем и острейших противоречий общественного развития, все большее число ученых и политиков считают, что выход из кризисного состояния возможен лишь на основе поиска парадигм гуманистического развития человечества, необходимости глубинных изменений в сознании людей, в формировании гуманитарно-ориентированной культуры в сочетании с экологической этикой в их взаимодействии с принципами гуманизма, доминантой которых, в конечном счете, являются идеи жизни и здоровья людей, самосохранения человека, безопасности этносов и выживание человеческого рода.

Оговорюсь сразу, услышав впервые после Рио-де-Жанейро словосочетание «устойчивое развитие» и интуитивно понимая, о чем идет речь, в терминологическом и гносеологическом отношении оно мне не понравилось, о чем я писал неоднократно. Кроме того, оно уже не раз подвергалось критике со стороны представителей науки всех направлений, правда, в основном, в терминологическом аспекте. Английский термин «sustainable development», действительно, не лишен противоречивости, связанной с категориями «развития» и – детерминантой его неминуемой смерти – «устойчивости». Однако мне не приходилось встречать философских «возмущений» по поводу полной метафизичности термина «устойчивости развития». Оно, «развитие», всегда диалектично, где «минусы» неминуемо порождают «плюсы» и наоборот, а стало быть, развитие по определению должно быть неустойчивым. Более того, скажем мы: именно неустойчивость – детерминанта любого развития. Это столь очевидно, что не требует никаких доказательств. «И в каплях слез улыбается солнце», как говорят японцы. «Устойчивость», с моей точки зрения, можно было бы снабдить другими характеристиками – «интенсивная», «последовательная», на худой конец – «устойчиво поддерживаемое развитие» и т. д.

Говорить об этих прописных истинах приходится лишь только потому, что – кто ясно говорит, тот ясно мыслит, а тот, кто ясно мыслит – грамотно действует. Однако

действуем мы сплошь и рядом безграмотно. И не мудрено, ибо образование у нас в России, наряду с культурой и здравоохранением, в бюджетах всех уровней стоит на последнем месте. Именно от этого мы теряем в мире многие приоритеты, особенно в интеллектуальной сфере. Сама же по себе концепция «устойчивого развития», несмотря на свою интуитивно-понимаемую привлекательность, насущную необходимость и множество посвященных ей федеральных и региональных программ, тоже «топчется» на месте, без каких-либо реально значимых успехов. Ну, ничего не поделаешь – термин «устойчивое развитие» прочно вошел в наш научный, государственный, экономический и политический обиход и с этим приходится считаться. Это как в русской пословице – все говорят, что «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», а на деле понимают, что все это глупость... Умный потому-то и умный, что покорял вершины...

Здоровье – одна из важнейших фундаментальных проблем, решить которую человечество стремилось всегда, ибо речь шла о жизни, о состоянии человека между двумя таинствами – рождением и смертью. Как мудро говорил Сократ: «Здоровье – не Все, но Все без здоровья – Ничто». Мудрость Сократа еще и в том, что он не мыслил здоровья без глубокого понимания сущности и природы человека. Отсюда его знаменитый призыв, начертанный на фронтоне Дельфийского храма: «Человек, познай самого себя». Забота о здоровье человека и человечества – важнейший содержательный компонент теории устойчивого развития. Не учитывая это, концепция устойчивого развития становится надуманным утопическим доктринерством.

В современных условиях здоровье перестает быть только личным делом человека, оно становится проблемой жизни и смерти этноса, социума в целом. Поэтому сегодня требуется новая **философия здоровья**, трактующая это состояние как важнейшую человеческую ценность, обуславливающую более полное и целостное осмысление природы и сущности человека как потенциальной основы здоровья. Великий мыслитель и художник Леонардо да Винчи, намного опередивший свой век и предвосхитивший свер-

шения и проблемы XXI века, в том числе и проблемы устойчивого развития, писал: «Надо понять, что такое человек, что такое жизнь, что такое здоровье, и как равновесие, согласие стихий его поддерживают, а их раздор его разрушает и губит». Только такой гений, как Леонардо, высокий, сильный, красивый и гармоничный человек мог произнести такие слова: «Человек – это красота тела и добродетель души, в нем нужно гармонизовать ум, чувства, здоровье, силу, красоту. Пусть каждый из нас каждый день делает хоть маленькое добро – тогда мир станет добрым и человеческим». [1].

Леонардо да Винчи – великий представитель европейской цивилизации, человек западного менталитета. Однако, пытаясь понять ценность категории здоровья, следует обратиться и к мудрецам Востока, представителям восточного менталитета, ибо без них, основываясь на позициях научного и философского европоцентризма, невозможно правильно решить ни одну глобальную проблему. В Древней Индии и Китае, Тибете и на Арабском Востоке наука о здоровье никогда не рассматривалась отдельно от философии Космоса. Здоровье человека считалось органической частью жизнедеятельности, ритмов, «дыхания» Вселенной. И когда знаменитый врач Авиценна пишет о своем стремлении заняться медициной, он начинает ее изучать наряду с философией жизни и логикой. Только целостное представление о Вселенной, природе, ее ритмах и жизни человека дали ему возможность, по его собственному утверждению, понять тайну человеческого здоровья.

Философское постижение здоровья полностью еще не утвердилось в науке и социокультурной практике. В философии здоровья пока отсутствуют монографическая литература и учебники. Вместе с тем, опубликовано немало статей в журналах и сборниках научных трудов, в некоторых вузах читаются спецкурсы по философии здоровья.

Зачем нужна сегодня философия здоровья? Если понимать здоровье как состояние человека, позволяющее ему нормально функционировать, выполнять свои индивидуальные и социальные обязанности, то следует помнить, что состояние человека не остается неизменным, независимо от его

возраста, климатических и других природных условий, времени года и времени суток. Для того, чтобы квалифицировать состояние как здоровое или болезненное, нужно знать природу и сущность человека. В определении природы и сущности человека «участвуют» сегодня сотни наук и научных направлений, но обобщающей и интегрирующей наукой выступает философия. Именно философия с ее отраслевыми знаниями помогает понять смысл не только других наук, но и смысл мироздания самого человека, всего происходящего в этом мире. Следовательно, если человек есть «мера всех вещей», то его здоровье нужно определять через его природу и сущность, а это прерогатива философии и философской антропологии.

Вероятно, многим знакома фраза: «Смотри на мир философски, жить будет легче». Действительно, очень многое зависит от настроения и состояния духа человека. Философски мыслящий врач и естествоиспытатель (правда, не всегда последовательный в своих суждениях) Парацельс (1493-1541 гг.) считал, что «лучшей защитой от всех болезней является состояние духа». К этому мы лишь добавим, что дух не только защита от болезни, он может быть и ее причиной. И в этом ракурсе без философии – науки, занимающейся духовностью – не обойтись.

Философия здоровья призвана изучать и рекомендовать наиболее целесообразные методологические подходы к пониманию здоровья. Таковым, на наш взгляд, является целостный междисциплинарный подход к определению природы и сущности человека и через них – к пониманию здоровья как гармонии между человеческим организмом и внешней средой обитания, между телом и духом. Все это, в конечном счете, объединяет парадигмы устойчивого ноосферного развития и философию здоровья, детерминирует взаимосвязь одного и другого.

Последователи идеи устойчивого развития, наверное, согласятся со мной, что при всем множестве реформ в современном обществе, следует признать необходимость главной реформы – в сознании и поведении людей относительно самого понятия «Человек», точнее сказать, системы понятий: «Человек», «Природа», «Мироздание», «Здоровье».

вье», «Болезни». Если мы сумеем правильно понять глобальную логику разумного взаимодействия, гармонию мира, то нам станут понятны искусственность условий и амбициозность мотивов нашего комфорта, уродование природы своего организма и окружающей человека среды. Изуродованная внешняя среда – это зеркало, отражающее наше внутреннее состояние. Так что против эколого-гуманитарного невежества нужен хотя бы ликбез по науке жизни и здоровья человека. Ликбез для всех, кроме профессиональных медиков. Здесь все представляется сложнее. На эту тему должны говорить профессионалы самого высокого класса.

Между тем врач-профессионал, академик Н.М. Амосов считал, что главная беда нашей медицины в том, что «она нацелена на болезнь, а не на здоровье, она переоценила саму себя и совершенно пренебрегла естественными силами сопротивления болезням, которые присущи всякому живому организму... На самом же деле, медицина взяла что близко лежит, научилась лечить простые болезни, связанные с инфекцией, а те, что посложнее, остались нетронутыми... Поэтому у меня нет особого оптимизма во взгляде на современную медицину. Но есть глубокая уверенность в том, что слабость нашей науки и практики преодолима» [2].

В чем же слабость медицинской науки? С моей, непрофессиональной точки зрения (впрочем, это не отрицают и сами медики), *во-первых*, у медицины нет целостной теории здоровья, поэтому она относится к человеку как к набору отдельных органов и систем. До сих пор в России, например, не существует и самостоятельной науки о здоровье, если не считать зарождающуюся валеологию, которая не успела хотя бы фрагментарно появиться в вузовском пространстве в конце 90-х годов прошлого столетия, как последовал грозный приказ Министерства образования – «Убрать». И убрали... *Во-вторых*, следствием теоретической слабости медицины и других наук о здоровье человека является характер подготовки будущего врача. Процитируем в порядке иллюстрации мнение на этот счет одного из многих наших врачей-специалистов – А.П. Лаптева.

«В нашей стране, – пишет он в газете «Лидер», – быть хорошим врачом трудно... На подготовку врача уходит 7800 часов. Из них 97 % времени – на изучение тела и заболеваний отдельных органов и лишь 3 % – на психологию, этику и деонтологию (которую, кстати сказать, в середине 90-х годов убрали из программ медицинских вузов. – В.К.) Другими словами, налицо ветеринарный подход к подготовке врача. И это средневековое мышление тянется от Парацельса. Именно он 25 июня 1527 г. публично сжег книги Гиппократ, Галена, Авиценны, назвав их «великими шарлатанами», учившими, что врач должен хорошо знать не только то, что действует на человека, но и те внутренние природные силы в самом организме, которые воспринимают это воздействие. “Не верьте им, – восклицал Парацельс перед изумленными студентами, – ибо болезнь – сорняк, который надо найти и вырвать с корнем”» [3]. Так начались поиски «сорняка», которые спустя 200 лет вылились в локальные теории медицины. Нынешний врач многое знает о клетках, органах, тканях и почти ничего не знает о целостном человеке.

В-третьих, следствием теоретической слабости философской науки и медицинской практики является плохое знание природы человека, его сущности, когда сама медицина, да и сам пациент, не только не учитывают природу, но и поступают вопреки ей. В современной медицине почти не используется модернизированная теория саморазвития, саморегулирования, которая давно принята биологией, валеологией и др. А между тем в народной медицине Древнего Востока и Руси признавалось и использовалось учение о том, что «чистый организм сам себя вылечивает». Уже само очищение есть борьба с болезнями. Не поступать вопреки законам природы человека, учитывать возможность саморегуляции организма есть не что иное, как признание гармоничного устройства мироздания и человека – альфы и омеги ноосферной идеологии. Именно в этом теоретическая основа социально-философских категорий «самосохранительное поведение индивида», «самосохранительное поведение социальной группы» или «общества», «оздоровительное поведение человека». Признание идеи гармо-

ничности мироздания и его главной составляющей – человека – являет собой основу авторской концепции здоровья, т. е. определенный способ ее трактовки, а сделанные на уровне философии обобщения позволяют представить природу и сущность человека как потенциальную основу здоровья, без чего никакое устойчивое развитие невозможно.

Логика философской рефлексии здоровья неминуемо приводит нас к выводу о том, что этот феномен теснейшим образом связан с *экологической этикой и гуманизмом*. При этом исследователи гуманизма придают исключительное значение категории «последовательности». Например, теоретики секулярного гуманизма нередко отмечают «непоследовательность» гуманизма религиозного на том основании, что человек в нем всегда вторичен. С этим трудно не согласиться. Однако у нас в связи с этим своя проблема: что объединяет или разъединяет гуманизм и экологизм, соответственно – гуманитарную и экологическую культуры, если учесть, что человек не только «духовен», но и «природен»? Какие «идеологические» преграды стоят на пути, например, организационного объединения усилий международных гуманистических и экологических организаций и почему этого объединения не происходит? Может ли последовательный гуманист быть последовательным экологом и наоборот? Есть ли пределы, мера такой «последовательности»?

С нашей точки зрения, вполне допустимо, что какой-нибудь индийский аскет, например, способен прожить исключительно на растительной пище, не прибегая к экологическому «греху» – убийству животных с целью использования их для питания, а для аборигена Чукотки не «согрешить», не убить моржа, оленя или тюленя означает не что иное как «убить» себя и своих близких. Не заканчивается ли максималистски понимаемый экологизм антигуманизмом, т. к. в результате такой «последовательности» миллионы скотоводов всех континентов Земли обречены на неминуемое вымирание?

С одной стороны, Конфуций весьма символично сравнивал человека с корнями, а общество – с листьями дерева, интегрируя

тем самым человека и природу (гуманизма и экологизма? – В.К.), а с другой стороны, древнеиндийский поэт и философ Калидаса еще в V веке до н. э. отмечал, что «...человек лишь тогда встанет во весь рост, когда осознает достоинство и ценность жизни, ему не принадлежащей». Как понимать этот вывод мыслителя? Он исключительно гуманистичен и относится только к «жизни» человека или же имеет обобщающий, в том числе и экологический смысл, распространяясь на все живущее на Земле?

В соответствии с западной ментальностью все зримое в мире должно служить человеку, радуя и убажывая, избавляя его от забот и печалей. В восточной культуре природа и человек неразделимы. Они представляют собой единую экосистему, где соединены биоценоз живых существ и среда обитания в едином комплексе целостности на основе взаимозависимости, взаимопроникновения и причинно-следственных отношений.

На многие смыслообразующие вопросы может дать ответы гуманитарная культура народов мира, ценностным основанием которой является гуманизм, и под которой мы понимаем «особого рода систему позитивных смыслов, гуманистических ориентаций, способов, действий и их результатов, связанных с пониманием человека как высшего критерия общественного развития». (См. монографию: В.Л. Кургузов. «Гуманитарная культура». – Улан-Удэ. – 2001. – 553 с.). В частности, сегодня, когда весьма заметно смещение акцентов с изучения философских и лингвистических аспектов проблемы смысла на культурологические, придающие ему метапарадигмальное значение, важно исследовать синергию ценностей гуманитарной культуры народов Востока, в которой связующим звеном социокультурного и природного выступает прежде всего сам человек.

Следует особо подчеркнуть, что ценности гуманитарной культуры и экологической этики, к сожалению, не являются в современном обществе господствующими. По-прежнему в социуме доминируют ценности технократизма, идет тотальное разрушение природной среды, далеко не сдали свои позиции антигуманные проявления как на уровне отдельно взятого индивида, так и на

уровне государств. По мнению одного из известных гуманистов XX века А. Швейцера, технократические условия, «море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество... с невероятной жестокостью превращают современного человека в несвободное, несамостоятельное существо» [4]. Вместе с тем состояние и перспективы развития современной цивилизации требуют не только локального понимания важности идей философии здоровья, гуманизма и экологической этики, но и эффективного канала их трансляции. Таким каналом, безусловно, является система образования. Однако, несмотря на бесконечное его реформирование, на наш взгляд, этот канал до сих пор забит «тромбами», которые не пропускают «кровь» эколого-гуманитарной культуры до ума и сердца человека, ибо мы за последние 15-20 лет не стали ни более гуманными в отношениях друг с другом, ни более этичными по отношению к природе.

Казалось бы, выход из тупика должна дать наука. Однако уже к концу XX столетия стало ясно, что человечество охвачено острым гносеологическим кризисом, и наши традиционно полученные знания не позволяют учитывать фундаментальные связи между явлениями, тем более предвосхитить последствия их воздействия. «Современная наука, – подчеркивал академик С. Гальперин, – выявляет свою полную беспомощность в попытках построить целостную картину мира. Технические знания дали человеку обещанную силу, но она оказалась, скорее, разрушительной, чем созидательной» [5].

В этой связи следует остановиться на концепции опережающего образования, сформулированной и получившей свое развитие прежде всего в трудах А.Д. Урсула. Полученные результаты позволяют обозначить концептуальные контуры принципиально новой образовательной системы XXI века. В основу этой концепции положен синергетический принцип детерминации из будущего. Футурологический подход к проблеме образования определяется необходимостью построения «потребного» будущего как целевого состояния человеческой цивилизации. Без разработки такой модели бессмысленно говорить об управлении устойчи-

вым эколого-гуманитарным развитием, поскольку нельзя совершать целенаправленные действия, не зная конечной цели. Одним из важнейших звеньев управления таким развитием, на наш взгляд, безусловно, должна стать система образования.

Как справедливо отмечает А.И. Муравых: «Существующий кризис в области образования охватывает не только российский национальный уровень, а присущ всей мировой образовательной системе» [6]. Действительно, ни одно государство современного мира не довольное своей системой образования. Главная беда заключается в том, что «отсутствуют общесистемная концепция и стратегия образования в условиях обострения глобальных проблем». В первую очередь это относится к проблеме экологической безопасности, сущностному вопросу о выживании современного человечества, требующему для своего разрешения глубинных преобразований качественного порядка в организации общества и сознании людей. Автор статьи, проработавший не один десяток лет в образовательных учреждениях всех уровней, видит выход из кризиса образовательной системы не в плоскости *модернизации* или совершенствования существующей системы, а в ее кардинальной *трансформации*. Поскольку решение глобальных проблем современности мыслится на основе концепции устойчивого развития ноосферной ориентации, то, очевидно, и модель будущей системы образования должна отвечать этому стратегическому направлению. Принципиально важно, что предлагаемая системная модель должна быть моделью именно опережающего образования.

Естественно, футурологический подход не перечеркивает огромный позитивный опыт предыдущих этапов развития образования, но акцент в его стратегии переносится с прошлого на будущее. Актуальным для сегодняшнего дня является вопрос создания и развития глобальной системы образования, позволяющей реализовать растущее интегрированное разнообразие образовательных стандартов и специальностей, осуществлять непрерывность образования на протяжении всей жизни человека с доминированием самообразования.

Необходимым условием создания опережающей системы образования является привлечение к образовательному процессу современных информационных технологий. С помощью средств информатики должны получить свое дальнейшее развитие дистанционные формы обучения, открытые, гибкие экспериментальные обучающие системы. При этом не следует забывать о том, что *информатизация* сама по себе является только *средством, инструментарием* образовательного процесса. Почему это следует особо подчеркивать? Потому что мы уже имеем на практике, например, результаты так называемой *компьютеризации* образования. Выступая, начиная с 90-х годов прошлого столетия, одним из векторов реформирования школы, компьютеризация (если она становится самоцелью), наряду с другими векторами – гуманизацией, гуманитаризацией, фундаментализацией, демократизацией и экологизацией – практически «подмяла» под себя все перечисленные. Она стала на практике чуть ли не главным критерием эффективности образования. Но добились ли мы успехов при этом, например, в гуманизации и экологизации образования? Можно ответить однозначно – нет. Более того, компьютеризация существенно подорвала в высшей школе стремление к духовности, чтению книг, художественному творчеству, спорту и т. д. Компьютер, конечно,

вещь хорошая – хотя и умная, но все-таки машина, а не человек. Компьютеризация в образовательном пространстве современной России – это все тот же технократизм, бороться с которым нам так хотелось, приступая к реформированию отечественного образования. Поэтому содержательная часть, информационное наполнение системы опережающего образования должны определяться прежде всего конечной целью – становлением коэволюционной системы «человек – общество – природа» как сферы высшего разума. Устойчивое развитие является лишь начальным отрезком этой целевой траектории.

Литература

1. Нардини Б. Жизнь Леонардо. М., 1978. С. 195.
2. Амосов Н.М. Раздумья о здоровье. М., 1991. С. 59.
3. Лаптев А.П. Береги здоровье смолоду // Лидер. 2003. 25 мая.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1999. С. 24.
5. Гальперин С.В. В поисках надежды // Культура. 1994. 17 дек.
6. Муравых А.И. Образование на стыке тысячелетий // Аргументы и факты. 2000. 15-21 марта.